

ХИЩНЫЕ ПТИЦЫ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОПУЛЯЦИЙ

Г.В. Гришанов

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия)

GGrishanov@kantiana.ru

Birds of prey in the south-eastern part of the Baltic region: current status, major trends and perspectives of populations. – Grishanov G.V. – The main purpose of the study is an analysis of the specific local trends in the birds of prey status in Kaliningrad Region during the 20th–21st centuries. The population status and trends of Falconiformes species are mostly influenced by general, global or large regional factors dominated over local conditions in recent decades. Despite of growing anthropogenic impact on ecosystems, the positive trends in raptor status for the last 2–3 decades clearly outweigh the negative ones. So, it apparently indicates that adaptive raptor potentials are undervalued. In the last decade the most raptor species realize their adaptive capacity to the anthropogenic habitat changes more efficiently than it could be expected considering their population trends in the 1950s–1970s.

Кумулятивный эффект медленных климатических и быстрых антропогенных преобразований отчетливо проявляется на популяциях хищных птиц [3], определяя тенденции изменения численности и состояние популяций в динамичной среде второй половины XX – начала XXI вв. Несмотря на уязвимость этой группы пернатых, обусловленную редкостью многих видов, глубокой специализацией трофических связей и другими особенностями биологии, есть основания полагать, что адаптивный потенциал хищных птиц может обеспечить их существование в условиях разумно умеренного уровня антропогенных преобразований среды обитания [4].

Для Калининградской области, как части давно и глубоко антропогенно-трансформированного региона Юго-Восточной Балтики, задача сохранения такого компонента биологического разнообразия, как хищные птицы, стала актуальной уже много десятилетий назад. Эта территория представляет собой уникальный для России полигон, где естественные экосистемы не сохранились вовсе, так как они либо кардинально трансформированы в урбо- и агроэкосистемы, либо превращены в физиономически сходные с природными искусственные их аналоги [5].

Помимо длительного, на протяжении столетий, разнопланового, но в целом системного хозяйственного воздействия на биоту, в последние десятилетия ее трансформация приобрела неупорядоченный и хаотичный характер, с резкими колебаниями направления и интенсивности антропогенных воздействий на среду обитания птиц. Такая ситуация сложилась в связи со спецификой географического и социально-экономического положения региона.

С распадом прежней административной системы в 1992-1995 гг. начался глубокий кризис сельскохозяйственного производства. Сократились посевные площади, поголовье скота, многократно снизились объемы внесения минеральных и органических удобрений. С 1999 г. начался подъем промышленного производства, интенсификация строительной отрасли и туризма, но продолжился кризис в сельском хозяйстве [8]. К настоящему времени все еще сохраняются большие площади заброшенных и зарастающих сельхозугодий, сокращаются территории пастбищ и сенокосных лугов, но существенно растет доля посевов рапса. Начало восстановление обширных мелиоративных сетей. В лесном хозяйстве сохраняется значительный объем рубок ценных участков старых лесов, сокращается площадь спелых и перестойных насаждений, в структуре лесопокрытых площадей все более значимо доминируют молодняки.

Таким образом, среда обитания хищных птиц на исследуемой территории в последние десятилетия продолжала претерпевать существенные преобразования из-за изменений в природопользовании, особо кардинальными в сельском и лесном хозяйстве, мелиоративной отрасли и в развитии урбанизированных территорий.

Основная цель данной работы – выявление специфических локальных тенденций в изменении состояния хищных птиц в XX-XXI веках и оценка значимости в этих процессах трансформации среды их обитания на местном уровне.

Материалы и методы

Эколого-фаунистические исследования хищных птиц велись с 1974 г. практически на всей территории Калининградской области. Проводились как системные целевые наблюдения и поиски отдельных видов, преимущественно редких (красный коршун (*Milvus milvus*), большой (*Aquila clanga*) и малый (*A. pomarina*) подорлики, орлан-

белохвост (*Haliaeetus albicilla*), скопа (*Pandion haliaetus*) и др.), так и комплексные учеты численности на протяженных маршрутах и площадках в различных биотопах. Осуществляли картирование гнезд и гнездовых участков, наблюдения за особенностями гнездовой биологии, стационарные исследования продолжительностью до 10–15 лет в обширных водно-болотных угодьях и крупных лесных массивах.

Результаты и обсуждение

При анализе результатов многолетних исследований, тенденции в изменении состояния хищных птиц оценивались в трех градациях – глобальные, затрагивающие значительную территорию Российской Федерации, региональные, доминирующие в юго-восточной части Балтийского региона (в основном в Польше и Литве), и локальные (местные), выявленные на территории Калининградской области. Последние представляют особый интерес, поскольку не только разные виды, но и локальные популяции могут существенно отличаться друг от друга степенью антропофобии и антропотолерантности, а также долей лабильных особей, способных быстро реагировать на внешние изменения и адекватно к ним приспосабливаться [4]. Выявление устойчивых локальных тенденций, отличных от глобальных и региональных, дает возможность вести поиск причин местного характера, влияющих на состояние видов, а значит – применять соответствующие меры по оптимизации природопользования и охране уязвимых видов. В качестве глобальных тенденций приняты оценки В.М. Галушина [3], региональные выявлены из ряда обобщающих публикаций [9, 12, 14].

Сопоставление изменений в состоянии популяций хищных птиц на различных территориях показало, что для 12 видов долговременные тенденции являются общими на всех уровнях. Позитивные локальные тенденции, совпадающие с региональными и глобальными, отмечены для 9 видов – осоеда (*Pernis apivorus*), лугового (*Circus pygargus*) и болотного (*C. aeruginosus*) луней, тетеревятника (*Accipiter gentilis*), перепелятника (*A. nisus*), обыкновенного канюка (*Buteo buteo*), малого подорлика, орлана-белохвоста и чеглока (*Falco subbuteo*). Негативные местные тенденции, также совпадающие с региональными и глобальными, выявлены у 3 видов – черного коршуна (*Milvus migrans*), полевого луны (*C. cyaneus*) и большого подорлика (табл.).

**Хищные птицы в динамической среде III тысячелетия:
состояние и перспективы**

Таблица

Современное состояние и основные тенденции в динамике численности гнездящихся хищных птиц на территории Калининградской области в конце XX – начале XXI вв.

Table

Current status and major trends in number dynamics of breeding birds of prey in Kaliningrad Region in the late 20th – early 21st centuries.

Вид Species	Доминирующая тенденция Dominating trend	Современное состояние Current status
1	2	3
Позитивные локальные тенденции, совпадающие с региональными и глобальными Positive local trends which coincide with regional and global trends		
<i>Circus pygargus</i>	Численность растет или слабо флуктуирует Numbers grow or weakly fluctuate	Позитивная тенденция с 1970-х гг. Немногим более 50 пар. Осваивает новые гнездовые биотопы: заброшенные, зарастающие высокотравьем и кустарником бывшие сельскохозяйственные угодья. Positive trend since the 1970s. A few more than 50 pairs. Occupies new breeding biotopes: abandoned, overgrowing with high grass and bushes former agricultural lands.
<i>C. aeruginosus</i>	Численность растет или слабо флуктуирует Numbers grow or weakly fluctuate	Значительный рост численности в 1970-х – 1980-х гг. Сейчас более 500 пар. В последние два десятилетия – слабые флуктуации при сохранении высокой численности. Significant growth of numbers in the 1970s-1980s. Presently over 500 pairs. During the last two decades – weak fluctuations, but numbers still remain high
<i>Accipiter gentilis</i>	Численность растет Numbers grow	Позитивная тенденция с 1980-х гг. Не менее 200 пар. Постепенно заселяет лесопарки Калининграда. Positive trend since the 1980s. At least 200 pairs. Gradually occupies forest parks of Kaliningrad.
<i>A. nisus</i>	Численность растет Numbers grow	Позитивная тенденция с 1980-х гг. Численность 600–800 пар. Единично гнездится в парках и лесопарках Калининграда. Positive trend since the 1980s. Numbers are 600-800 pairs. Single cases of breeding in parks and forest parks of Kaliningrad.
<i>Buteo buteo</i>	В последнее десятилетие рост численности сменился фазой флуктуации Over the last decade the growth of numbers changed into a phase of fluctuation	Гнездится 1500–2500 пар. Единичные гнездовые пары на окраинах Калининграда. 1500-2500 breeding pairs. Sporadic breeding pairs on the outskirts of Kaliningrad

Продолжение таблицы.

1	2	3
<i>Aquila pomarina</i>	Некоторый рост численности сменился в последнее десятилетие фазой стабилизации Over the last decade a bit growth of numbers changed into a phase of stabilisation	Позитивная тенденция с 1990-х гг. Численность 125–150 пар. Positive trend since the 1990s. Numbers are 125-150 pairs.
<i>Haliaeetus albicilla</i>	Растущая ранее численность в последнее десятилетие сменилась фазой стабилизации Over the last decade a former growth of numbers changed into a phase of stabilisation	Позитивная тенденция с конца 1980-х гг. Численность 20–25 пар. Positive trend since the late 1980s. Numbers are 20-25 pairs.
<i>Pernis apivorus</i>	Численность стабильна или слабо флуктуирует Numbers are stable or weakly fluctuate	Гнездится более 100 пар. Over 100 breeding pairs.
<i>F. subbuteo</i>	Численность стабильна или слабо флуктуирует Numbers are stable or weakly fluctuate	Численность 180–220 пар. Numbers are 180-220 pairs.
Негативные локальные тенденции, совпадающие с региональными и глобальными <i>Negative local trends which coincide with regional and global trends</i>		
<i>Milvus migrans</i>	Численность снижается Numbers decline	Негативная тенденция отмечена с 1980-х гг. Численность 30–40 пар. Negative trend is recorded since the 1980s. Numbers are 30-40 pairs.
<i>Circus cyaneus</i>	Численность снижается. Очень редок, распространен локально Numbers decline. Very rare, distributed locally	Негативная тенденция отмечена с 1980-х гг. Численность 5–10 пар. Negative trend is recorded since the 1980s. Numbers are 5-10 pairs.
<i>Aquila clanga</i>	Численность снижается. Очень редок, распространен локально. Numbers decline. Very rare, distributed locally	Негативная тенденция отмечена с 1990-х гг. Численность 4–7 пар. Negative trend is recorded since the 1990s. Numbers are 4-7 pairs.

Для 6 видов выявлено неполное совпадение тенденций на различных уровнях. У устойчивых на территории России видов – скопы, змееяда (*Circaetus gallicus*), сапсана (*F. peregrinus*), дербника (*F. columbarius*), численность относительно стабильна, флуктуирует или локально изменчива [3]. На территории Калининградской области их состояние

может быть охарактеризовано как неустойчивое или неопределенное. Численность скопы многие десятилетия остается критически низкой (2–4 пары), змеяд и сапсан – крайне редкие, нерегулярно гнездящиеся виды, гнездование дербника достоверно не доказано. Нестабильно положение находящегося на периферии гнездового ареала красного коршуна, численность которого длительное время колеблется на очень низком уровне (2–5 пар), тогда как региональная тенденция в центральной части ареала на территории Польши оценивается как позитивная [14]. Обыкновенная пустельга (*F. tinnunculus*) в глобальном масштабе становится все более редкой в природных местообитаниях [3], но в Калининградской области состояние вида скорее стабильное, со слабой тенденцией к росту на фоне флуктуаций численности.

Таким образом, для всех относительно обычных и широко распространенных видов, кроме пустельги, в Калининградской области и на прилегающих территориях фактически не выявлено очевидной региональной или локальной специфики современного состояния и основных тенденций в конце XX – начале XXI вв. Для группы единично или нерегулярно гнездящихся видов оценивать долговременные тенденции в силу их неопределенности вряд ли целесообразно.

Как справедливо отметил В.М. Галушин [3], «...любая попытка классифицировать экологические процессы заведомо дискуссионна», но есть смысл выделять некие категории, отражающие общие популяционные тенденции для их обсуждения. Сравнение различных по масштабу долговременных тенденций в состоянии популяций гнездящихся хищных птиц позволяет приблизиться к пониманию общих закономерностей и объективно оценить специфику (если таковая обнаруживается) и роль локальных отклонений от ключевых глобальных тенденций.

Отсутствие важных различий в доминирующих долговременных тенденциях и в современном состоянии большинства видов на значительных территориях, отличающихся уровнем антропогенной нагрузки, степенью трансформации среды обитания и природными условиями, дает основание считать, что для хищных птиц, видимо, определяющую роль играют не локальные изменения местных условий на относительно небольших площадях, даже весьма специфичных, а общие популяционные тенденции, характерные для основной части их гнездовых ареалов.

Определяющим условием такого развития может быть то обстоятельство, что за последние десятилетия биология большинства видов хищных птиц претерпела настолько существенные изменения, что перестала соответствовать общепринятым представлениям [6]. В частности, известно, что у ряда видов (тетеревятник, перепелятник, обыкновенная пустельга) в разных частях ареала с разной скоростью идут процессы внутренней дифференциации на исходные природные и в той или иной степени изолированные, многочисленные и успешные городские группировки, как это давно происходит у вяхиря, черного дрозда и других видов, формирующих экологически и поведенчески специализированные урбопопуляции. Такие процветающие популяции хищных птиц выявлены, к примеру, в урбоценозах Дели [10, 11], где средняя плотность населения черного коршуна (161 пара/10 км²) почти в 70 раз превосходила таковую в агроландшафтах саваннового типа Северо-Центральной Индии (2,4 пары/10 км²).

Локальные тенденции для многих видов абсолютно идентичны выявленным на весьма удаленных от Балтийского региона участках ареала. Характерный пример: аналогичные местным тенденции в изменении состояния популяций отмечены для луней Европейского центра России [2], а также черного коршуна, луней, тетеревятника, перепелятника, орлана-белохвоста и других видов в Липецкой области [7] и степного Подонья [1]. Однонаправленность тенденций на обширных территориях, весьма различающихся природными и хозяйственными условиями, убедительно свидетельствует о доминирующем влиянии на основные тенденции популяционной динамики в глобальном масштабе над локальными изменениями среды обитания хищных птиц.

Тем не менее, несмотря на явное доминирование тенденций глобального масштаба, нельзя недооценивать и влияние специфики местных условий, в ряде случаев оказывающих существенное воздействие на изменение численности хищных птиц. В частности, в первые десятилетия XX в. ныне процветающие виды – болотный лунь, тетеревятник, перепелятник – на исследуемой территории испытывали глубокую депрессию численности, основной причиной которой являлось преследование со стороны человека (разрушение гнезд, отстрел, использование ядов) и изменения гнездовых биотопов [13].

На региональном уровне также могут накапливаться изменения, потенциально способные позитивно или негативно влиять на состояние отдельных видов. В частности, для малого подорлика в Литве отмечена меньшая, чем раньше, избирательность в выборе мест гнездования, как реакция на значительное увеличение объема сплошных рубок [15].

Заключение

В последние десятилетия в динамике состояния хищных птиц явно доминируют общие, глобальные тенденции, охватывающие основную часть ареалов видов, практически нивелируя сколько-нибудь существенную региональную специфику в их проявлении, и практически полностью – местную, локальную. Насколько такое направление детерминировано внешними факторами среды – природными и антропогенными, а какова роль внутривидовых процессов, пока остается в значительной мере неясным. Но совершенно очевидно, что это взаимосвязанные процессы с той или иной степенью обоюдного влияния.

Несмотря на продолжающийся рост самой разнообразной антропогенной нагрузки на экосистемы всех уровней, трансформацию местообитаний, прямые и косвенные воздействия на кормовую базу хищных птиц, позитивные тенденции в изменении их состояния в последние 2–3 десятилетия заметно преобладают. Доминирование позитивных тенденций над негативными, а естественных – над антропогенно-обусловленными, по-видимому, свидетельствует и о недооценке адаптивного потенциала хищных птиц. Безусловно, в их числе есть виды – особо уязвимые компоненты биологического разнообразия, но в целом большинство представителей отряда Falconiformes реализуют свой адаптивный потенциал в условиях глубоких антропогенных преобразований среды обитания в последние десятилетия более эффективно, чем можно было ожидать, основываясь на тенденциях 50-х – 70-х годов XX столетия.

Перспективы изменения состояния популяций хищных птиц на исследуемой территории в ближайшем будущем скорее будут определяться пролонгацией и развитием общих популяционных тенденций, чем изменением условий на местном, локальном уровне. Современные тенденции в изменении характера и интенсивности основных видов природопользования (лесное и сельское хозяйство)

не являются критическими для большинства видов Соколообразных, хотя не все трансформации можно рассматривать как нейтральные или благоприятные для хищных птиц.

Литература

1. Белик В.П., 1998. Популяционные тренды Соколообразных птиц в степном Подонье (ретроспективный и перспективный анализ) // III конф. по хищным птицам Восточной Европы и Северной Азии: Матер. конф. – Ставрополь: СГУ. – Ч. 1. – С. 5–7.
2. Богомолов Д.В., 2003. Заброшенные территории Европейского центра России как местообитания хищных птиц // Матер. IV Конф. по хищным птицам Северной Евразии. – Пенза. – С. 152–153.
3. Галушин В.М., 2003. Новости в мире хищных птиц // Матер. IV Конференции по хищным птицам Северной Евразии. – Пенза. – С. 49–54.
4. Галушин В.М. 2008. Особенности экопластики хищных птиц // Изучение и охрана хищных птиц Северной Евразии: Матер. V Междунар. конф. по хищным птицам Северной Евразии. – Иваново. – С. 80–82.
5. Гришанов Г.В., 1997. Современные проблемы сохранения биологического разнообразия на территории Калининградской области (на примере фауны гнездящихся птиц) // Теоретические и прикладные аспекты биологии: Межвузовский сб. науч. тр. - Калининград: Изд-во КГУ. – С. 4–10.
6. Павлов Ю.И., Жукова Л.А., 2007. Пути адаптаций птиц отряда Соколообразных // Современные проблемы биологической эволюции: Матер. конф., посвященной 100-летию гос. Дарвинского музея. – М. – С. 119–121.
7. Сарычев В.С., 2003. Изменение статуса и численности хищных птиц Липецкой области за последние 20 лет // Матер. IV Конференции по хищным птицам Северной Евразии. – Пенза. – С. 243–249.
8. Федоров Г.М., 2011. Социально-экономическое развитие Калининградской области: учебное пособие. 2-е изд. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта. – 156 с.
9. Birds in Europe: population estimates, trends and conservation status, 2004. – Cambridge, UK: BirdLife International. – 374 p.
10. Galushin V.M., 1971. A huge urban population of birds of prey in Delhi, India. // Ibis. – Vol. 113, №4. – P. 522.
11. Galushin V., Zakharova-Kubareva N., 1998. Nesting raptor populations within urban and agricultural habitats in Northern-Central India // Asian Raptor research and conservation. Program and Abstracts. The First symposium on Raptors in Asia. – Shiga, Japan. – P. 30–31.
12. Jusys V., Mačiulis M., Mečionis R., Poškus A., Gražulevičius G., Petraitis A., 1999. The breeding bird atlas of the Klaipėda region (Lithuania). – Vilnius. – 268 p.
13. Tischler F., 1941. Die Vögel Ostpreussens und seiner Nachbargebiete. – Königsberg–Berlin. – Bd. 1–2. – 1304 s.
14. Tomiałojć L., Głowaciński Z., 2006. Zmiany w awifaunie Polski – przeszłość, przyszłość, różne interpretacje // Ornitologia Polska na progu XXI stulecia – dokonania i perspektywy. – Olsztyn. – P. 39–85.
15. Treinys R., Mozgeris G., 2006. Past and present nest-site requirements of the Lesser Spotted Eagle (*Aquila pomarina* C.L. Brehm) and their possible conflicts with timber harvesting // Baltic Forest. – T. 12, №2. – P. 252–258.